

М. ГОФМАН

Поэтическая академия

Ожесточенная борьба с тем новым течением в поэзии (более обще — в искусстве), которое было обозвано «декадентством», в сущности говоря, уже окончилась. Настало время спокойной оценки, чуждающейся преувеличений и эксцессов, время суда — отделения пшеницы от плевел. И будущий историк русской литературы несомненно отметит в этом течении, на наших глазах *уже слившимся* с общим течением, *уже вошедшим* в общее русло русской литературы, большие завоевания в области формы. Что другое, но завоевания в области формы несомненны, и эта заслуга «декадентства» перед русской поэзией должна быть признана. Писать теперь стихи, как они писались многими поэтами двадцать или даже десять лет тому назад, стало вещь буквально невозможной. Но представители нового течения отнюдь не думают удовольствоваться достигнутыми результатами. Они не перестают учиться, не перестают изучать великие и сложные законы формы.

Одним из доказательств такого серьезного отношения представителей нового течения в поэзии к вопросам формы стиха является возникшая в Петербурге поэтическая академия¹.

Об этой академии мало кто знает. Официально она не существует. Это частный кружок, частная затея, без всяких уставов, правил и других бюрократических затей, которыми приходится иногда невольно обставлять у нас возникновение каждого кружка.

В сущности, впрочем, скромный опыт совместного изучения формы, составляющий цель данного кружка, нельзя назвать громким именем «Поэтической Академии», под каким она была известна среди участников-поэтов, хотя мысль ее устроителя

Вячеслава Иванова и была именно такова. Предполагалось общее участие в разработке рефератов, но все ограничилось лекциями Вячеслава Иванова. Академия превратилась в школу, которая представляла собою вдумчивую и внимательную аудиторию во главе с ее профессором — одним из самых образованных людей и безусловно выдающимся оригинальным поэтом. Следовал ряд интересных лекций Вячеслава Иванова, раскрывавшего перед аудиторией внешние и внутренние законы формы, при чем не были забыты ни простейшие, ни наиболее сложные из существующих и существовавших форм. Не было обойдено и античное стихосложение, и некоторые приводимые стихотворения из «Кормчих звезд», «Прозрачности» и «Эроса» показывали, что русскому стиху вполне свойственны античные размеры и ритмы².

Что было в особенности интересно в лекциях Вячеслава Иванова, это — органическая связь Формы с содержанием, на которую не раз указывал лектор, говоря о природе хоря, ямба, сонета, терцины и т. д. К сожалению, слишком мало внимания в «академии» было обращено на анализ образцовых произведений, на историю развития форм, на изучение стиха отдельных поэтов (хотя бы Пушкина или Лермонтова, или Тютчева)³, а народное стихосложение... было обойдено. Хочется думать, что академия не ограничится одним годом существования и восполнит как эти, так и многие другие пробелы. Возникновение «академии» и интерес к ней показывает, что сама идея подобного учреждения безусловно заслуживает серьезного внимания. Пора признать, что миновало время, когда существовали поэты только «von Gottes Gnaden»* и что поэту тоже необходимо специальное изучение этой отрасли изящной литературы, с которой большинство пишущих стихи и мнящих себя поэтами знакомо лишь поверхностно...

Во всяком случае, Поэтическая Академия, или лучше сказать Поэтическая Школа, лишней раз показала важность и необходимость изучения законов формы и лишней раз подтвердила мнение В. Иванова, что «ритмические возможности нашего языка необозримы; их осуществление зависит от личного искусства»⁴.

1909

* Милостью Божьей (нем.).